

В. П. Владимирцев

ДОСТОЕВСКИЙ И ВАСИЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ПЛАКСИН

«Учитель рекомендован. <...> Гражданин».
Достоевский. «Зависть»
(Набросок к неосуществленному замыслу)

Мал золотник, да дорог.
Народная пословица

С незапамятных времен достоевистика обходила вниманием интересного фигуранта из круга общения юного Достоевского — Василия Тимофеевича Плаксина (1795(6?)–1869), преподавателя родной словесности в Главном инженерном училище. Делался вид, что такого фигуранта вроде бы не существует (маргинализация, участь забвения), а если он и существует, то в историко-литературном формате не представляет большого интереса и потому не заслуживает — относительно Достоевского, разумеется, — ни почестей особых, ни разысканий специальных. Инертное, проще говоря, никакое отношение к личности и «вузовской» литературно-психологической школе Плаксина — старый грех науки о Достоевском¹ — мешает разобраться толком в существенных подробностях из жизни и творческой эволюции писателя.

По сию пору остается не до конца проясненной скупая строчка из письма Достоевского к брату Михаилу Михайловичу от 1 января 1840 г.: «Словесность и литература русская — Плаксина, который сам учит у нас» (28; 67). Глаголом «учит» и определительным местоимением «сам» вы-

¹ Советское литературоведение времен оных отнеслось к В. Т. Плаксину, очевидно, с «классовой» неприязнью. Известный в прошлом герценовед В. А. Путинцев походя называл (обозвал) Плаксина «педагогом и критиком реакционного направления» (Добролюбов Н. А. Собр. соч. М., 1952. Т. 3. С. 725, примечания). [Ср. свидетельство К. А. Трутовского, младшего товарища Достоевского по Инженерному училищу: «...преподаватель русской словесности, профессор Плаксин, изображал нам Гоголя как полную бездарность, а его произведения называл бессмысленно-грубыми и грязными. Но <...> никакие профессора старого закала не могли затмить для нас образ великого Гоголя» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 1. С. 173). — Ред.]

ражено пиететное отношение будущего писателя к своему наставнику в области, наиболее близкой его натуре, — «словесности и литературе русской». Далее приходится гадать, что имел в виду Достоевский, отвечая на несохранившееся письмо брата. Намеревался помочь адресату «достать» литографированный курс лекций Плаксина? Советовал познакомиться с популярными книгами модного тогда в Петербурге «вузовского» преподавателя словесности? Или, может быть, похвалиться тем, какие именитости состоят в штате преподавателей Инженерного училища? И т. п.

К сожалению, академическое Полное собрание сочинений Достоевского, снабженное колоссальным вспомогательным аппаратом, отказалось как-либо прокомментировать приведенную эпистолярную (единственную!) ссылку писателя на имя и деятельность Плаксина (составитель примечаний к письму — И. А. Битюгова). Несправедливая невнимательность образцового издания к упомянутым в письме Достоевского имени и занятиям В. Т. Плаксина тем более бросается в глаза на фоне неумеренно щедрых пояснений к другим лицам и фактам эпистолярного текста.

Скрытая неприязнь коллег-литературоведов к личности и деяниям Плаксина, взятого в качестве «вузовского» — на протяжении целых *четырёх* лет!² — ментора Достоевского, нашла курьезное подтверждение в академической «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (СПб., 1993. Т. 1. С. 68, 519). Здесь дважды — в корпусе основного текста и даже в «Указателе имен» — неточно обозначен инициал отчества Плаксина (литера «П» вместо «Т»). Причем и по истечении двух лет ошибка так и не была исправлена в «Общем списке опечаток и исправлений к томам I–III». Кроме того, составители «Летописи...», в нарушение библиографических правил, небрежно, многостраничным «скопом», то есть неточно, «указали» некую неведомую страницу в томе писем Достоевского, где писатель называет имя своего учителя словесности.

Всё это, казалось бы, мелочи, пустяки, так называемые «блошки», но породила их одна и та же печально известная «фирменная» причина — откровенно пренебрежительное отношение «академиков» к памяти и литературно-педагогической деятельности якобы «неформатного» В. Т. Плаксина.

В первом томе «Летописи...», где сообщается минимум общеизвестных сведений о Плаксине («преподает в училище»), есть, правда, отчасти восполняющая обнадеживающая библиографическая отсылка: «Характеристику курсов Плаксина см.: Якубович И. Д. Достоевский в работе над романом „Бедные люди“ // [Достоевский] Материалы и исследования. Т. 9. С. 41–44». Обратимся к этому источнику.

Непериодические «Материалы и исследования», как мы знаем, являются изданием-спутником Полного собрания сочинений Достоевского —

² Забегая вперед, считаю необходимым уже сейчас выделить это исключительной важности хронологическое обстоятельство: *четырёхлетняя*, изо дня в день, профессиональная филологическая опека маститого петербургского педагога-словесника оказала серьезное развивающее влияние на «подростка» Достоевского; ср. с последовавшими позже духовными итогами — тоже *четырёхлетних* — «университетов» писателя в Мертвом доме.

сводом уточнений и комментариев к произведениям и биографии писателя. Пример тому — названная статья И. Д. Якубович, где впервые в научном мире предпринята плодотворная попытка осветить роль В. Т. Плаксона в литературно-эстетическом развитии Достоевского поры ученичества. Исследователь констатирует, что Плаксин «был безусловно незаурядной личностью»³ и в доказательство кратко перечисляет его основные культурно-педагогические и научно-литературные заслуги.⁴ Основываясь на изучении печатных трудов («курсов», «руководств») Плаксона, И. Д. Якубович задается вопросом: «Что представляли собой эти курсы, прослушанные в училище Достоевским?»⁵ Затем обзорно и выборочно (не избегая заведомой тенденциозности) характеризует литературно-критические взгляды Плаксона. Было бы ошибкой утверждать, что Якубович дала в целом неверную оценку этим взглядам. Но суть в другом. Разбор «курсов» и «руководств» Плаксона составлен и логически проакцентирован (срежиссирован) таким образом, что повсюду, в каждом пункте разбора, сквозит более чем скептическое, а то и негативное отношение к литературным установкам и концепциям Плаксона. В этом не оставляет сомнений и обескураживающее, как бы закрывающее тему ввиду ее исчерпанности резюме Якубович: «Курс Плаксона, прослушанный Достоевским с 1838 по 1841 г., если и дал ему систематические знания по истории литературы, то никак не мог удовлетворить неистового поклонника Пушкина и Гоголя в знакомстве с текущим литературным процессом»⁶.

Безоговорочно согласиться с таким мнением значит практически вычеркнуть имя Плаксона из числа наиболее влиятельных и компетентных литературно-филологических наставников молодого Достоевского. Правомочно ли встать на подобный неконструктивный путь? И вообще говоря: поддается ли однозначной (однолинейной) оценке общественная деятельность Плаксона: литературно-критическая, научно-педагогическая, культурологическая и публицистическая?

Прослушанные Достоевским курсы Плаксона (судить о них нужно по его книгам и статьям) действительно имели очевидно слабые стороны, как-то: компилятивность, разбросанность, упрощенчество, претенциозная схоластичность, отдельные промахи в суждениях о творчестве Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др. Но эти и другие слабые стороны не преобладали в общем балансе деятельности Плаксона как одного из авторитетных участников «текущего литературного процесса». Нельзя, например, признать случайным и малозначимым личное знакомство Плаксона с Пушкиным. Или сбрасывать со счета близкое практическое участие Плаксона в развитии поэтического дарования юнкера Лермонтова. В определенном отношении Плаксин стал «крестным отцом» Лермонтова в литературе, что

³ Якубович И. Д. Достоевский в работе над романом «Бедные люди» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9. С. 41.

⁴ Там же. С. 41–42.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 44.

подмечено Н. А. Добролюбовым.⁷ Кстати сказать, Добролюбов испытывал цеховое уважение к литературно-критическим трудам Плаксона. Так, анализируя «Грозу» Островского, он опирался на теорию драмы в изложении «курсов словесности г. Плаксона»⁸.

Издатель-редактор журнала «Русская старина» историк М. И. Семевский, знавший Плаксона лично, с глубоким сочувствием написал в биографических заметках о нем следующее: «По всему пространству царства русского рассеяны его ученики, особенно между военными, и всюду мы встречали самые теплые воспоминания о добром учителе...»⁹ Надо полагать, Достоевский, бывший, конечно, не последним из «учеников» Плаксона, разделял «самые теплые воспоминания о добром учителе».

Чтобы полнее представить себе общий и частный характер многолетнего «учительского» влияния Плаксона на «ученика» Достоевского в стенах Инженерного училища, необходимо задержаться на важной особенности эстетической идеологии «добротного учителя». Эту особенность открыла и определила лермонтовед Пушкинского Дома Л. Н. Назарова, изучая результаты литературно-педагогического влияния Плаксона на Лермонтова в Школе юнкеров: «Взгляды Плаксона носили явно демократический характер»¹⁰. Исследовательница напомнила: еще в студенческие годы власти преследовали Плаксона за политическую неблагонадежность; полемизируя с «Литературными мечтаниями» В. Г. Белинского, критик-публицист Плаксин выдвинул, кажется, первым (до 1834 года) тезис о том, что русская литература «стремится к развитию народности»¹¹.

Из расписания учебных занятий в Инженерном училище времен Достоевского следует, что «коллежский ассессор Плаксин» вел «российскую словесность» («историю литературы, языка») по хорошо сбалансированной (вероятнее всего, авторской) интенсивной обучающей системе: «2 лекции, 3 ½ часа», «с практическим упражнением кондукторов в сочинениях»¹². Синхронное и взаимосвязанное сочетание теории (лекционные занятия по истории литературы и языку) с практикой («упражнения в сочинениях») обеспечивало, всего вероятнее, высокую эффективность учебного процесса, непассивным участником которого был «кондуктор» Достоевский.

Нам не дано узнать доподлинно, какими способами «добрый учитель» проводил свои демократические убеждения (тот же тезис о стремлении русской литературы к народности) во время занятий и внеучебных встреч с учениками. Но нельзя отрицать, что Плаксин так либо иначе и

⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 1. С. 499. [Однако творчество позднего Лермонтова оценивалось Плаксиным отрицательно; в «Герое нашего времени» он видел «верный список с самой дурной натуры, которая не стоит искусства» — Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 417. — Ред.]

⁸ Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 3. С. 159.

⁹ [Семевский М. И.] Примечания // Русская старина. 1880. № 11. С. 761.

¹⁰ Назарова Л. Н. Лермонтов в Школе юнкеров // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. С. 142.

¹¹ Там же. С. 141, 142.

¹² Максимовский М. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869. СПб., 1869. С. 64.

в той или иной мере и форме демократизировал идейно-эстетическую направленность «лекций» и «практических упражнений кондукторов в сочинениях». Равно нет оснований сомневаться в том, что уроки демократизированной «по-плаксински» словесности внимательно усваивал «ученик» Федор Достоевский, будущий классический «почвенник»-демократ, автор демократичнейших «Записок из Мертвого Дома».

Плаксин не был чужд практической журналистики: он уже с конца 1820-х гг. печатался в столичной периодике как рецензент и обозреватель и снискал репутацию знатока и аналитика текущей литературной жизни. Журналистские занятия проблемами российской словесности и культуры наложили отпечаток на литературно-философские «руководства» Плаксына (наклонность к полемике, публицистическая заостренность, приемы беседной риторики в стиле, ставка на завоевание читателя). Нет причин усомниться в том, что училищные «курсы», «введения» и «руководства» Плаксына отличались в устной версии еще большей публицистической живостью, интимностью, свободой и богатством мысли и слова.

В забытом ныне фундаментальном исследовании Н. Н. Трубицына «О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века», которое было опубликовано в 1912 г., «Краткому курсу словесности...» В. Т. Плаксына (изд. 2-е, 1835 г.) придано значение высокого для своего времени научного литературно-филологического и этнографического образца. Как исследователь народных культурных корней русской литературы, Трубицын увидел в плаксинском «учебнике» (ученый выделил курсивом жанровое определение, данное им «Краткому курсу...») некий прецедент совокупного учета *всех* национально-народных источников, которые в силу своей общности («власть бытового предания») питают и определяют развитие литературы и искусства:

- «нравы, обычаи и образ жизни народа», которые «составляют выражение его характера <...> образуют народный темперамент»;
- «первобытное отношение к народному духу»;
- «предпочтительные занятия»;
- «семейственные связи и отношения полов»;
- «образ богопочитания, богослужебные обряды с их началом»;
- «различные поверья, господствующие предрассудки и суеверия»;
- «общие игры и общественные увеселения»;
- «гражданские связи»;
- «язык»;
- «и наконец образ правления»¹³.

Весьма существенно, что Трубицын нашел стержень в системной, подкрепленной «данными психологии и логики», концепции «Краткого курса словесности...» Плаксына: **«требование народности поставлено**

¹³ Трубицын Н. Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века (Очерки). СПб., 1912. С. 156. Культурологические установки Плаксына как историка литературы близко напоминают методики британского шекспиролога Тиселтона Дайэра, его западного современника.

обязательным»¹⁴ (согласуется с общим пафосом монографии самого Трубицына: «Поклонимся вкусу народному»¹⁵).

Вслед за Трубицыным воздадим должное учености автора «Краткого курса...» Жанр «краткого курса» обусловил сжатую, конспективную форму изложения материалов в «учебнике» Плаксона. Однако «краткость» «курса» не мешает сориентироваться в том, какой необозримой по охвату научной культурно-исторической информацией владел и пользовался «добрый учитель» Достоевского! Если объяснить на языке современных понятий, Плаксин методологически верно представлял себе базовые этнологические предпосылки литературно-художественного творчества. Образовательная и просветительская значимость этнологических указаний и разъяснений Плаксона и сегодня выглядит убедительной. И это при том, что в лекциях и «упражнениях» «доброго учителя» выставлено как обязательное *profession de foi* — «требование народности» (Трубицын).

Ораторски и беседно живая и, главное, подчиненная интересам обучающего «курса словесности», *культурно-этнологическая школа Плаксона* безусловно повлияла на духовные потенции Достоевского и, как можно по праву думать, была отдаленным, едва уловимым в толще времени началом (первотолчком) движения писателя к демократизму «Бедных людей» и «Сибирской тетради», к «почвенничеству» «Дневника писателя».

Любопытны и говорят сами за себя многочисленные точки соприкосновений и связок (реминисценций) между литературно-этнографическим содержанием «курсов словесности» Плаксона и некоторыми характерными чертами поэтологии Достоевского-писателя. Угадываются следы прямого или опосредованного воздействия училищных «курсов» и «руководств» «доброго учителя» на «выучившегося» под его педагогическим попечением «кондуктора» Достоевского.

В «частной риторике», которая включена в состав «Краткого курса словесности, приспособленной к прозаическим сочинениям» (то самое издание, каким пользовался Н. Н. Трубицын), Плаксин-словесник (по нынешней терминологии, можно сказать, специалист по речеведению) с особой тщательностью выделил и описал такие «роды» прозы, как «разговоры» и «письма», с демонстрацией имен и образцов.¹⁶ Его «теория» «разговоров» близко перекликается с принципами сократической диалогизации текстов у Достоевского-художника; а представленные той же «теорией» «разговоры в царстве мертвых» — с аналогичным образованием в рассказе «Бобок» из «Дневника писателя» за 1873 г.

Нет необходимости возводить излюбленные Достоевским, романистом и публицистом, разговорно-эпистолярные речевые тактики исключительно к соответствующим урокам и «упражнениям» ритора Главного инженерного училища. Но разве есть обратная необходимость отрывать

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 561.

¹⁶ Плаксин В. Т. Краткий курс словесности, приспособленной к прозаическим сочинениям. 2-е изд., значительно исправленное. СПб., 1835. С. 77, 127–135.

эпистолярно-разговорное мастерство автора тех же «Бедных людей» от такого, действительно первого дидактического первоисточника, коим были для «ученика» Достоевского плаксинские курсы «лекций» и «упражнений» по искусству «писем» и «разговоров»? Естественно считать, что уроки и рекомендации «доброго учителя» хорошо сохранились в эстетической памяти будущего писателя и сыграли впоследствии роль творческого бродила в сочинительских занятиях Достоевского.

В подобном же творческо-генетическом соотношении с поэтологией Достоевского мог находиться и настоятельно рекомендованный автором «Краткого курса словесности...» литературный анекдотический жанр¹⁷ — к нему писатель тоже был художнически равнодушен («Скверный анекдот»; вставной «анекдотизм» повестей, романов, «Дневника»).

«Внутреннего» Достоевского, таким образом, отнюдь не миновали, — не задев и не зацепив, — «вузовские» опыты, инициативы и предприятия «доброго учителя». Напротив, они системно, фундаментально просвещали: учили филологической культуре, обращали к идее народности, прививали писательский интерес к народознанию, возбуждали поэтическую мысль, оттачивали художественный вкус, способности к эстетическому критическому суждению, прельщали риторической энергией родного слова, склоняли к собственному творчеству, речевому и литературному (через систему еженедельных «упражнений кондукторов в сочинениях»). Одним словом, Достоевскому повезло, что он столь длительное время находился под обучающим воздействием «доброго учителя».

Плаксин был крупным авторитетом в сообществе петербургских педагогов. Его учебники издавались, совершенствовались и переиздавались, по ним учились (и не только в Инженерном училище), с ними считались (в пример можно поставить Н. А. Добролюбова). Плаксину принадлежит роль первопроходца и новатора в преподавании словесности. Он впервые в России ввел в «курсы» и «руководства» изучение истории литературы как самостоятельной академической дисциплины и дал права гражданства термину «история литературы». Не менее важно, что Плаксину удалось соединить историю литературы с ее народнокультурным (этнологическим) субстратом, на что обратил серьезное внимание историк культуры Н. Н. Трубецкой.

Утверждать категорично, что Плаксин «никак не мог удовлетворить» Достоевского «в знакомстве с текущим литературным процессом» (точка зрения И. Д. Якубович), вряд ли приемлемо и по другим причинам. Ведь реальное содержание плаксинских «курсов» в аудиовизуальном лекционно-беседном воплощении было намного шире и богаче, нежели в доступных нам сейчас их печатных «кратких» вариантах. Впрочем, дело даже не в этом, а по существу в том, что «курсы» Плаксина давали «кондуктору» Достоевскому *знание фундаментальных основ науки о словесности*. Кроме того, «курсы» и «руководства» были сильны своим *этнологическим механизмом* (это — конек Плаксина): последовательным обращением к исто-

¹⁷ Там же. С. 111.

рической почве («археологии») изящной словесности: духовной, речевой, художественной, религиозной, бытовой, юридической и нравственной жизни народа. Плаксин, как, может быть, никто другой из современных ему преподавателей литературы и языка, понимал, что в этой почве (под-основе) сочинитель неизбежно находит потребные материалы и средства для художественного творчества. Лекционные наставления и рассуждения «доброго учителя» (свидетельствую на основании его печатных работ) пестрели отсылками к «народным нравам», «народописательным-этнографическим» материалам, «старой народноязыческой литературе», «баснословью» (эпической и сказочной традиции), «разговорам» (устной речи), «предрассудкам» (суеверию, быличной прозе) и т. п. Невозможно себе представить, что Достоевский остался глух и безразличен к такого рода культурно-педагогическим воззваниям Плаксина и они не отслоились в его эстетике. Это вовсе был бы не Достоевский. Припомним к случаю, как благодарно и памятно он отзывался о «славных сказках» няни Алены Фроловны из поры своего детства, почти через полвека, в 1870-е гг., будучи автором «Дневника писателя».

Плаксин, по всей очевидности, входил в настоящий ораторский раж, когда в полемическом тоне заводил речь об устной народной словесности (фольклоре), особенно «баснословной».

«<...> Кто же не видит во всех мифологиях, первоначальных народных песнях и сказках, даже узаконениях, преобладание поэзии пред прозою, игры фантазии пред знаниями?»

«Прислушайтесь к рассказам старожил (стариков и старух. — В. В.) внутренней (уездной. — В. В.) России, — призывно, с публичным вызовом писал Плаксин еще в середине 1830-х гг., — вы услышите много занимательного, кроме сказок, сохраненных в письменах и распеваемых нищими <...> а сколько суеверных рассказов из искаженного древнего славянского баснословия!

Неужели это наша литература? Неужели это наша поэзия? — Да, соотечественники!» И пафосно требовал от деятелей искусства и литературы: «<...> изучайте исторический быт народа с его нравами, обычаями, преданиями, поверьями, мнениями и предрассудками <...>»¹⁸.

Здесь, в приведенных словах, — весь Плаксин. Его убеждения понятны и близки нам и сейчас: «И чем выше талант, тем более, тем яснее отражаются в нем самом и в произведениях его народные мнения, верования, свойства, нравы и обычаи <...>»¹⁹.

Мысль о народе, его фольклорном быте, поэзии, конечно же, не оставляла «доброго учителя», когда он, воодушевляясь и загораясь ею, вел курс словесности в кондукторских классах Инженерного училища. Но в таком случае почему с очень большой долей вероятности не предположить, что Достоевский вынес много полезного (литературно-демократического, «пред-

¹⁸ Плаксин В. Т. О народности в изящных искусствах и преимущественно в словесности // Сын отечества и Северный архив. 1835. № 1. С. 20, 114, 115.

¹⁹ Там же. С. 19

почвенного», вечного) из четырехлетних обязывающих встреч с Плаксиным. Нелогично, абсурдно полагать иначе. Повторюсь еще раз: следует думать совсем наоборот. Нити плаксинских культурно-исторических суггестивных наставлений протянулись к литературной деятельности всего «послеучилищного» Достоевского.

Плаксин дожил до дней писательской славы одного из лучших своих учеников. К сожалению, мы не знаем, как отнесся он к шумному успеху «Записок из Мертвого Дома» или романа «Преступление и наказание». Услышал ли в них отзвуки своих этнологических внушений и рекомендаций? Быть может, исследователи Достоевского докопаются когда-нибудь и до этих подробностей из истории русской литературы.

Сейчас покамест важно уяснить и признать одно: как преподаватель словесности В. Т. Плаксин последовательно (эта линия прослеживается во всех его печатных трудах) доказывал крайнюю необходимость глубже вникать в культурное значение *«нашего баснословия»*. Не проформы ради включил он в «руководство для молодых людей», обучавшихся в Инженерном училище, требовательную фольклористическую строку: *«<...обратим ли внимание на нравы наши и поверья?»²⁰ Достоевский, — несомненно, откликнувшись на постоянные эстетические призывы «доброго учителя», — «обратил»: русские народные «нравы» и неразрывно связанные с ними «поверья» стали источником и основой его романной и публицистической поэзии.*

Историко-литературная проблема «учитель Плаксин и ученик Достоевский» необходимо смыкается с проблемой художественной этнологической культуры Достоевского. Та и другая требуют дальнейших разработок, проверок и уточнений. Но в любом случае главный вывод из предлагаемых здесь аналитических материалов едва ли может быть оспорен и поколеблен: этно-эстетические и этно-культурные идеи Плаксина-«учителя» существенно и положительно («почвеннически») повлияли на духовное развитие Достоевского-«ученика». Речь идет не о мимесисе, консолидированной культурной преемственности и прочих опосредованиях, а о прямом академическом влиянии «доброго учителя» на эволюцию задатков и способностей будущего писателя.

Достопочтенное имя Василия Тимофеевича Плаксина должно быть извлечено из полунебытия и в подобающей мере возвращено достоевистике. Ибо плаксинский слой в источниковедении Достоевского имеет значение ценного историко-литературного факта. Воистину — мал золотник, да дорог.

²⁰ Руководство к изучению истории русской литературы, составленное наставником-наблюдателем, преподающим русскую словесность <...> в верхних классах Главного инженерного училища <...> Василием Плаксиным. 2-е изд., оконченное и во многих частях совсем переделанное. СПб., 1846. С. 21.